

С.А. ГАСПАРЯН*
**ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИДЕОЛОГИЙ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛЕ США:
РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИ
К. МАНГЕЙМА**

Аннотация. В статье с позиций теории К. Мангейма рассматривается динамика политических идеологий в США в период с 2000 г. по настоящее время. В модели Мангейма акцентируется диалектический характер взаимоотношения идеологий, подразумевающий, что все основные идеологические картины действительности выстраиваются как взаимозависимые противоположения, и политические идеологии фактически складываются как различные комбинации выборов между наборами противопоставленных представлений: управление против политики, «рациональная» политика против «волевой», возможность выбора против детерминированности, статичность против преобразования. Важным моментом подхода Мангейма, отличающим ее от марксистского понимания идеологии, выступает то, что она допускает возможность стабилизации идеологического спектра при либеральном политическом режиме без его схлопывания в диктатуру – неизбежное развитие событий с марксистской точки зрения. В пользу приложения мангеймовской модели к идеологической палитре современной американской политики можно привести два аргумента. Во-первых, она способна дать новый уровень понимания политического конфликта в США с точки зрения взаимосвязанности образующих его идейных позиций, и, в частности, продемонстрировать взаимосвязь между усилением американского националистического движения и ростом социалистического. Во-вторых, эта попытка позволяет оценить выдвинутую Мангеймом диалектическую модель с точки зрения ее применимости в отрыве от исторических обстоятельств, в которых она сложилась. И по итогам иссле-

---

* **Гаспарян Симон Ашотович**, преподаватель кафедры английского языка № 6, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: s.gasparian@my.mgimo.ru

дования можно отметить, что мангеймовская модель фактически предсказывает основные линии напряжения – те, которые возникают между современными американскими либералами и консерваторами (конституционные реформы против неприкосновенности конституции), умеренными республиканцами и радикальными трампистами (сохранение против активного реформирования), умеренными демократами и социалистическим крылом демпартии (сохранение спектра различных взглядов против однонаправленных преобразований).

Ключевые слова: идеология; К. Мангейм; Республиканская партия США; Демократическая партия США; радикализация; либерализм; консерватизм.

Для цитирования: Гаспарян С.А. Дифференциации идеологий в политическом поле США: реконструкция на основе модели К. Мангейма // Политическая наука. – 2024. – № 4. – С. 286–308. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.12>

Есть основания утверждать, что «идеология» – понятие, плохо сочетающееся с представлением о демократическом устройстве. По сути дела, в нем заложен смысл, не совместимый с рациональной дискуссией, на которой, собственно, должна основываться представительная демократия. Если идеология – это цельное мировоззрение, то она заведомо исключает рациональное отношение к альтернативным точкам зрения: признание их обоснованности сразу же ставит под сомнение состоятельность идеологии как целого, что, по сути, подразумевает прекращение ее полноценного действия. В принципе, в этом заключалась одна из главных причин, по которой К. Маркс и Ф. Энгельс, заложившие основу современных представлений об идеологии, считали неизбежной насильственную политическую борьбу – разрешить противоречия между двумя классами, руководствующимися разными мировоззрениями, с помощью политических процедур, невозможно [Маркс, Энгельс, 1955, с. 36–49].

В этом смысле показательно, что за вторую половину XX в. конец идеологии в США провозглашался трижды [Talshir, 2006]. Символическим образом эти моменты совпадали с очередными изданиями книги Дэниела Белла с соответствующим названием «Конец идеологии». Ее первая публикация состоялась в 1960 г., и посвящена она была, как представлялось автору, исчезновению классового общества в Америке, сопровождавшемуся размыванием интереса американцев к традиционным идеологическим учениям [Bell, 1960]. Повторное издание книги «с новым послесловием автора» пришлось на период, когда на слуху был «конец политики» – переход от мобилизационных политических процессов к решению

частных вопросов общественного управления [Bell, 1988]. И, наконец, издание, дополненное очерком «Возрождение истории в новом столетии», появилось в 1990-е годы, на пике популярности идей о «конце истории» – достижении западным обществом консенсуса об оптимальном – демократическом и рыночном – устройстве, завершившем процесс политического развития [Bell, 2000]. Все три момента попадали на периоды благоприятной для США экономической ситуации и общего оптимизма. Эти моменты разделяют промежутки времени, на которые приходились основные американские кризисы второй половины XX в. – Вьетнамская война и движение за гражданские права в конце 1960-х годов, нефтяной кризис и стагфляция в конце 1970-х годов. Оба кризиса сопровождались подъемом идеологических движений – левого неомарксистского в 60-х, правого неолиберального в 70-х.

Как кризисный характеризуется и нынешний период – в этом американские комментаторы практически единогласны. И здесь на первый план вновь вышло идеологическое движение неомарксистского толка, известное – в основном благодаря его критикам, использующим это название иронически, – как движение «пробужденных» (woke). «Пробужденные» сталкиваются с сильным противодействием со стороны правого политического фланга, и на протяжении последних двух десятилетий политическая борьба становилась все более напряженной, до такой степени, что некоторые наблюдатели характеризуют ее как «холодную гражданскую войну» [Codevilla, 2017]. Эта борьба ведется, в том числе, и в идеологическом поле, представляя собой столкновение цельных и, по сути, взаимоисключающих мировоззрений. Нарастая, такое противостояние все сильнее сокращает потенциальные возможности компромиссов между участниками политического процесса – процесс, характеризующийся в политологической литературе как поляризация.

Методология исследования

Данный процесс может рассматриваться с разных позиций. В качестве объяснения могут приниматься экономические схемы, как в случае, когда в качестве основной причины выделяется рост неравенства [McCarty et al., 2016], социальные, которые выводят

на первый план демографию и иммиграцию [Darmofal, Strickler, 2019], или же психологические – основанные на внутренне свойственных человеку тенденциях формирования предпочтений [Johnston et al., 2017], однако в этой литературе редко рассматривается интеллектуальная логика поляризации. За фокусом остаются взаимосвязи и взаимная обусловленность противостоящих идейных позиций.

В свою очередь, в современных исследованиях идеологий главная линия заключается в прослеживании генезиса идеологических учений из политической философии – эта линия выступает преимущественно в качестве ответвления интеллектуальной истории, как характеризует ее известный исследователь идеологий М. Фриден [Freeden, 2022]. Проблеме взаимообусловленности идеологий в том виде, как они существуют в современном политическом контексте, уделяется здесь заметно меньше внимания.

Однако именно такой подход был главным для Карла Мангейма, которого Фриден называет среди своих главных предшественников [Freeden, 1996, p. 25–27]. Подход же Мангейма отличается сочетанием, с одной стороны, диалектического метода, в рамках которого каждая новая позиция в классификации политических идеологий выводится из ее понимания как ответа на существовавшие ранее идеологические позиции, с другой – исторического анализа формирования идеологий как отражения социальных конфликтов, разворачивающихся в конкретную эпоху.

Методология такого анализа была подробно изложена в основополагающей работе Мангейма «Идеология и утопия», ставшей в значительной степени откликом на политическую конфигурацию веймарской Германии. В настоящей же статье предлагается попытка применить схему Мангейма к политической истории США первой четверти XXI в. В пользу такой попытки можно привести два аргумента.

Во-первых, она способна дать новый уровень понимания политического конфликта в США с точки зрения взаимосвязанности образующих его идейных позиций.

Во-вторых, эта попытка позволяет оценить выдвинутую Мангеймом диалектическую модель с точки зрения ее применимости в отрыве от исторических обстоятельств, в которых она сложилась. Здесь важно отметить, что Мангейм делал в своем исследовании акцент на разборе социальных условий появления

идеологий и ни в коей мере не утверждал универсального характера сложившейся на этой основе модели. Однако широкий спектр проводимых им исторических аналогий указывает на то, что схема «ветвления» идеологических учений может оказаться если и не универсальной, то, по крайней мере, имеющей тенденцию к повторению в схожих условиях. И при всем различии контекстов Германии 1920-х и современных США все же можно выделить черты, позволяющие провести между ними аналогию: это общества с демократическими режимами, стесненные в свободе принятия решений гигантским внешним долгом и переживающие поляризацию своего политического поля, с которым власть пытается справиться, не прибегая к открыто авторитарным методам. Конечно, эта аналогия не может служить основанием для прогноза в отношении того, как будет развиваться ситуация, но в то же время на ее основе можно оценить, насколько выделенная Мангеймом схема применима к процессу «поляризации» демократических обществ в условиях экономического давления.

В целом можно сказать, что настоящее исследование следует предложенной Мангеймом «дисциплине социологической диагностики времени». Эта дисциплина была целью, к которой, как пишет Мангейм, «мы и стремились... когда пытались показать, как понятие идеологии может быть использовано для диагноза современной стадии в развитии мышления, и когда в нашей типологии мы не просто противопоставляли отдельные случаи, а пытались выявить, как в последовательном изменении значения этого понятия (весьма, впрочем, симптоматичного) может быть в некотором срезе постигнуто состояние всего нашего бытия и мышления» [Мангейм, 1994 б, с. 82]. В этом свете исследовательский вопрос настоящей работы можно сформулировать следующим образом: каков вклад внутренне присущего идеологическому полю конфликтов в нарастании политической поляризации в современных США?

Преимущество любого современного исследователя американской политической жизни – в изобилии публикаций, как позволяющих детально отслеживать события, так и предлагающих обобщающий взгляд на текущие процессы. Настоящее исследование в значительной мере опирается на круг публикаций последних лет, которые претендуют на обобщения, сделанные фактически в реальном времени, и при этом привлечшие широкое внимание

читающей публики. В библиографии содержится частичный перечень использованных работ, который составлен таким образом, чтобы отразить плюрализм взглядов американских авторов на текущую политику: ряд из них можно отнести к консервативному сегменту политического поля [Groseclose, 2011; Horowitz, 2022; Levin, 2021], ряд – к либеральному [Klein, 2020; West, 2019; McCarty et al., 2019], ряд представляет относительно нейтральный взгляд [Gerstle, 2022; Lee, 2016; Merrill et al., 2024], хотя последняя группа все же тяготеет к левой политической позиции – нельзя не заметить, что поляризация, о которой пишут эти авторы, не обошла стороной и их самих.

Модель взаимообусловленности идеологий

Выстраивая свою модель «ветвления» идеологий, Мангейм принимает в качестве исходной точки «бюрократический консерватизм», в основе которого лежит «стремление преобразовать проблемы политики в проблемы теории управления» и таким образом «сделать вид, будто продолжает развиваться одна основополагающая система» [Мангейм, 1994 б, с. 102–103]. Это естественное мировоззрение для государственного аппарата, который видит в любом существенном реформировании угрозу и нацелен на поддержание статус-кво.

Такому статичному консерватизму противопоставляется «исторический консерватизм» – мировоззрение «политических групп, традиционно занимающих господствующее положение, но не связанных с бюрократическим административным аппаратом» [Мангейм, 1994 б, с. 105]. Основу этого круга составляют аристократия и верхний слой буржуазной интеллигенции. Рациональности бюрократии они противопоставляют волю, воспитанную наследственным политическим статусом или же в ходе образования, благодаря погружению в историю. И если бюрократический консерватизм стремится свести политику к управлению, то исторический, прямо наоборот, считает, что управление и есть непрерывная политическая борьба, и определяющую роль в нем должны играть те, кто наилучшим образом подготовлен к этому нескончаемому конфликту.

Если исторический консерватизм разделяет управление и политику как рациональное и иррациональное и при этом выступает за примат иррационального, волевого, то либерально-демократическое мировоззрение продвигает прямо противоположный подход, стремясь рационализировать саму политику: «Его интеллектуализм проявляется в том, что оно пытается подчинить себе основанные на власти и иные иррациональные по своему характеру отношения, которые здесь господствуют, с помощью рассуждений, дискуссий и организаций, будто эти отношения уже рационализированы» [Манхейм, 1994 b, с. 106]. В этом выражается «крайний интеллектуализм» как характерная черта класса буржуазии – его цель «дискутирующее общество, где поиски истины шли теоретическим путем» [Манхейм, 1994 b, с. 107].

Социалистическое мировоззрение возникает из свойственной либеральному проблемы – исключить иррациональный момент из политического процесса оказывается невозможным. Собственно, именно для объяснения этой неустранимой иррациональности в марксистском учении и появляется представление об идеологии: столкновение мировоззрений не разрешается рациональным путем, так как разные классы видят действительность по-разному. Этот момент можно уяснить рационально, но преодолеть – только путем политической борьбы. Марксизм, таким образом, предлагает даже более интеллектуализированную политику, чем либерализм, но при этом принимает неизбежность конфликта. В этом заключается «теория поднимающегося класса» [Манхейм, 1994 b, с. 113], к которому могут быть отнесены все лишенные устойчивого общественного положения группы. Диалектический характер этой теории, предполагающий ее постоянные изменения в соответствии с новыми политическими конфигурациями, служит также и постоянному обновлению этой коалиции обделенных – как отмечает Мангейм: «...Марксистские пролетарские слои, достигнув успеха сразу же устраняют из теории диалектический элемент и начинают мыслить с помощью генерализирующего, устанавливающего общие законы метода либерализма и демократии; те же из них, кто по самому своему положению вынужден ждать революции, сохраняют верность диалектике» [там же, с. 115].

Пятая форма идеологии, выделяемая Мангеймом, фашизм, основывается на акцентировании момента постоянной работы по осмыслению политической ситуации и соответствующей реконфи-

гурации политических сил. Такое осмысление объединяет в себе две крайние точки зрения: с одной стороны, иррационализм, интуицию «вождя», действующего не на основе рационального знания истории, а наперекор ей, а с другой – «этот интуитивизм внезапно сочетается со стремлением буржуазии поздней стадии развития выявлять только общие законы» [Мангейм, 1994 б, с. 118]. Получается, что если либерализм выдвигает на первый план универсальную рациональность, то фашизм исходит из общечеловеческой иррациональности, которую тем не менее можно понять «технически». Таким образом фашизм отвечает на политическую эффективность диалектического мышления, способного последовательно адаптироваться под перемены. Он делает адаптацию самоцелью, фактически освобождаясь от необходимости быть последовательным. «Это – идеология путчистских групп, возглавляемых интеллектуалами, которые являясь аутсайдерами по отношению к слою либерально-буржуазных и социалистических вождей, используют для завоевания власти изменение конъюнктуры, постоянно возникающее в период преобразования современного общества» [Мангейм, 1994 б, с. 120].

Помимо этой градации Мангейм вводит в свою классификацию дополнительный уровень: выделенные мировоззрения в каждый отдельный исторический момент определенным образом сочетают в себе идеологический и утопический элементы. Под «утопичной ориентацией» Мангейм предлагает понимать ту, «которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий порядок вещей» [Мангейм, 1994 б, с. 164]. Отличие утопий от идеологий он характеризует следующим образом: «Каждая стадия исторического бытия обволакивалась представлениями, трансцендировавшими это бытие, однако до тех пор, пока они “органически” (т.е. не оказывая преобразующего воздействия) входили в картину мира, соответствующую данному периоду, они выступали не как утопии, а как идеологии» [Мангейм, 1994 б, с. 165]. Утопический же элемент придает мировоззрению такие черты, как «целостность», «напряженность» и «динамизм». Практическая политика, осуществляемая в парламенте и решающая частные задачи, плохо совместима с утопией, и чем ближе положение какого-либо движения к этому статусу, тем менее его мировоззрение утопично и тем более идеологично. Таким образом,

утопизм – черта главным образом внепарламентских движений, приобретающих характерные свойства религиозных сект.

Применительно к современной ему ситуации Мангейм выделяет три вида утопии: либеральный, консервативный и социалистический. Либеральный вариант заключается в утверждении «буржуазного идеала разума» и в требовании, что «разрыв между (несовершенным) естественным состоянием и идеей разума должен быть уничтожен» [Мангейм, 1994 b, с. 188]. Консервативная утопия возникает как ответ на либеральную: «Консервативная форма утопии, представление об идее, погруженной в действительность, может быть полностью понята лишь в свете ее борьбы с другими, существующими с ней, формами утопии. Ее непосредственным противником является либеральная, переведенная в рационалистическую сферу идея» [Мангейм, 1994 b, с. 197]. Рациональному идеалу консерватизм противопоставляет идею, выявленную в существующем, прошедшем проверку временем порядке вещей, и именно как такая идеализированная конструкция этот порядок приобретает утопический характер. В свою очередь, социалистическая утопия объединяет в себе либеральный рационализм и почитание истории, основанием которого в данном случае служит идея детерминизма: история не только дает надежные образцы, но и указывает путь развития, который рационально постижим. И именно эта черта предопределенности придает социалистическому течению его мотивирующую силу [Мангейм, 1994 b, с. 201–207].

Как пишет Мангейм: «Для осмысления любой исторической ситуации необходима определенная структура мышления, поднимающегося до уровня актуальной, реальной проблематики и способного охватить весь имеющийся в наличии противоречивый материал. И в этом случае все дело заключается в том, чтобы найти отодвинутую на нужное расстояние аксиоматическую отправную точку, всеобъемлющую позицию, необходимую для понимания ситуации в ее целостности» [Мангейм, 1994 b, с. 91]. И можно заметить, что его характеристика появления идеологий и утопий работает именно в качестве такой «аксиоматической отправной точки», применимость которой не ограничивается проведенным им самим исследованием. Метод Мангейма точно характеризует П. Брейнер: «Идеология и утопия Мангейма... оказывается... путем к обнаружению отношений идеологии к политике и, таким образом, она дает начало новому типу политической науки – полити-

ческой науки, которая может чертить и перечерчивать карты политической борьбы как соперничества идеологий, подвергающихся давлению динамичной реальности» [Breiner, 2013, p. 42].

Идеологический раскол в США

Важно отметить, что внутри мангеймовской схемы его собственная концепция очевидно относится к либеральной позиции: по сути дела, его схема может использоваться как план для конструирования либеральной идеологии таким образом, чтобы она могла охватить все интересы и прочертить путь к устойчивому развитию [Мангейм, 1994 а, с. 429–437]. В веймарской Германии, в которой Мангейм создавал свою теорию, либеральный проект потерпел крах, но тем не менее мангеймовский подход был воспринят в послевоенном западном мире как вариант устройства идеологического поля [Breiner, 2018], черты которого можно обнаружить в организации парламентских партий как в самой Германии, так и в США. Причем в послевоенных США рост благополучия и затухание политической борьбы создали впечатление перспективности такого нейтрализующего противоречия подхода: в стабильном обществе большинство элиты не заинтересовано в развитии идеологического конфликта, и поэтому он сохраняется лишь в тлеющем состоянии, что позволяет ограничить его рамками двухпартийной системы, объединенной консенсусом в отношении главных приоритетов развития.

Однако в настоящее время американская политика дает яркий пример углубляющегося идеологического раскола. Интерес к разворачивающемуся идеологическому конфликту в США усиливается вследствие того резонанса, который политические процессы в этой стране имеют по всему миру. С итогами американских выборов часто связывают различные варианты развития глобальных событий, не в последнюю очередь, политику НАТО, которая, по некоторым прогнозам, должна стать менее агрессивной в случае победы на президентских выборах 2024 г. республиканца или же удержать или даже усилить накал в случае победы кандидата от демократов.

При этом нужно заметить, что большая часть научного и журналистского сообщества явно предрасположена к поддержке

установившегося после 2020 г. режима Демократической партии и, как правило, занимает его сторону, когда речь заходит о выдвигаемых оппозицией обвинениях в злоупотреблениях: в попустительстве правонарушениям в ходе выступлений движения Black lives matter лета 2019 г. при одновременном суровом преследовании участников демонстрации в Капитолии в январе 2021 г., в цензуре в СМИ в ходе выборов 2020 г., в давлении правоохранительных органов на политических оппонентов, в том числе на самого бывшего президента, и др. Главное оправдание подобным мерам они видят в том, что они необходимы, чтобы предотвратить возвращение Дональда Трампа к власти. Категорическое неприятие последнего со стороны интеллектуальных профессий вызвано не только тем, что он воспринимается как выразитель интересов радикально правых сил, но и его личной враждебностью по отношению к медиаистеблишменту. К тому же его намерения «осушить вашигтонское болото», «изничтожить глубинное государство» и другие подобные призывы имеют характер прямой угрозы устоявшейся социально-политической структуре, в которой исследователи, аналитики и публицисты занимают привилегированное положение. И, соответственно, они выступают как защитники этой структуры, склонные избегать характеристики разгорающегося конфликта как идеологического и описывать его как экономический или даже психологический, изображая усиление правого политического фланга как выражение фрустрации белых американцев, лишенных былых привилегий [Klein, 2020]. Непопулярность идеологической модели понятна: ее принятие сразу бы поставило под сомнение претензию интеллигенции на «объективность» собственной позиции.

В то же время об идеологии открыто говорят критики установившегося режима, но характерным образом они позиционируют себя как выразителей «здорового смысла», протестующих против «марксистской идеологии», на чем акцентируют внимание оппозиционно настроенные авторы [Levin, 2021]. Эти взгляды локализируются, главным образом, за пределами «мейнстрима» признанных научных изданий и основных СМИ в источниках, которые, хотя и могут располагать внушительной аудиторией (как, например, комментарии и интервью Такера Карлсона), оказываются на периферийных позициях по отношению к основной части медийного поля.

Модель Мангейма в реконструкции политического поля США

В отличие от сложившейся в настоящее время ситуации, политическая борьба в 1990-е годы, на которые пришлось восемь лет администрации Билла Клинтона, хотя и велась, порой, ожесточенно, не выглядела как идеологический конфликт. По наблюдениям историка Г. Герстла, в экономических программах, продвигаемых в этот период двумя американскими парламентскими партиями, нет принципиальных различий. И демократы, и республиканцы были нацелены на завоевание поддержки одной и той же группы – разросшегося среднего класса, а борьба разворачивалась либо вокруг частных вопросов, концентрирующих на себе внимание политически активной публики (обязательное медицинское страхование, условия осуществления абортов, процедура приобретения огнестрельного оружия и т.п.), или же в форме личностных атак – главное, чем запомнился президент Клинтон, это попытка оппозиции вынести ему импичмент из-за нарушений в ходе расследования его связи с практиканткой [Gerstle, 2022].

Однако идеологический мотив проявил себя уже в кампании Джорджа Буша-мл.: ее главный посыл заключался в том, что меры, нацеленные на улучшение образования, здравоохранения и социального страхования, за которые традиционно ратовали демократы, возможны и нужны, но должны проводиться на базе проверенных историей консервативных ценностей – позиция, которая продвигалась Бушем под названием «сочувствующего консерватизма». В этом просматривается характерный момент «трансцендирования» целей, на который указывает Мангейм, а саму бушевскую кампанию можно рассматривать как выступление «исторического консерватизма» против «либерализма», который на тот момент представлял вице-президент Ал Гор, олицетворявший возможность сохранить состояние дел, которое сложилось в благополучные для Америки 1990-е годы. Идеологический характер политики Буша стал еще более выраженным после теракта 11 сентября 2001 г., когда Америка приобрела явного врага в лице исламского фундаментализма, сторонники которого открыто заявляли о своем намерении обрушить американскую цивилизацию. Это способствовало кристаллизации понимания того, что именно американцы призваны защищать: современное индивидуалистическое общество, осно-

ванное на признании свобод личности, в том числе свободы совести, и в то же время христианские основы этого общества, понятные и близкие большинству американцев. Идея сохранения и повсеместного распространения этой конструкции стала центральной для элитарного движения неоконсерваторов, приобретших определяющее влияние во внешней политике США. По своей социальной подоплеке эта позиция точно соответствовала консервативной идеологии в мангеймовском смысле, защищая привилегированное положение старой белой англосаксонской протестантской элиты и заявляя о неразрывной связи между ее убеждениями и благополучием американского общества.

Первый срок администрации Буша прошел в условиях доминирования внешнеполитической повестки: общество было консолидировано перед лицом внешнего врага и его внимание было сосредоточено на военных операциях – вначале в Афганистане, а затем в Ираке. Но уже во время выборов 2004 г. идеология Буша стала ставиться под сомнение. Его соперником со стороны Демократической партии выступил участник антивоенного движения 1960-х годов Джон Керри. Центром тяжести кампании Керри стала критика Иракской войны, в которой за быстрой победой над армией Ирака последовало военно-политическое фиаско американской администрации, оказавшейся не способной установить полноценный контроль над территорией страны. Однако одновременно в кампании Керри прозвучали положения, в дальнейшем составившие основу программы демократов: поощрение иммиграции и защита прав иммигрантов, расширение социальных, медицинских и образовательных обязательств федерального правительства, переход от защиты равных прав меньшинств к целенаправленному созданию условий для их социального продвижения, внешняя политика с опорой на международные многосторонние институты [Crotty, 2005]. Идеальной целью этой программы был мультикультурный справедливый и бесконфликтный мир, вера в возможность которого основывалась на представлении о том, что нарастающее культурное разнообразие следует расценивать как преимущество. Иначе говоря, здесь складывалась утопия, противостоящая консервативной идеологии.

Этот конфликт между «идеологией» и «утопией» начал накаливаться во время второго президентского срока Джорджа Буша-мл. Атака на идеологию, которую он олицетворял, приобрела характер

широкого общественного движения, в которую с энтузиазмом включились общественные организации, деятели культуры, науки и другие сообщества. Центральной идеей этого движения было то, что общество в целом должно признать интересы и специфические требования всех составляющих его групп – расовых, этнических, религиозных и др., а главное препятствие этому – доминирование той самой белой англосаксонской протестантской культуры, которая должна быть лишена привилегированного положения. Собственно, «культурные войны», которые давали о себе знать еще в 1990-е годы, теперь выходят на новый уровень [Schier, 2015].

Избрание в 2008 г. Барака Обамы было воспринято как победа этого движения. И хотя политику Обамы, заявленную в ходе его избирательной кампании, можно охарактеризовать как умеренную, символический вес его победы вызвал сильную реакцию, воплощенную в «Партии чаепития». Это движение, названное в честь «Бостонского чаепития» (уничтожения груза с чаем в Бостонском порту в 1773 г. в знак протеста против британского налогообложения), было типично традиционалистским по содержанию и радикальным – требующим немедленных преобразований – по характеру. Цель движения заключалась в возвращении к «золотому веку» Рейгана, который играл роль консервативной утопии и подразумевал сочетание доминант христианства в культуре, господства свободного рынка в экономике и опоры на собственные силы во внешней политике. Главной культурной фигурой этого движения стал телеведущий Глен Бек, исполнявший роль разгневанного проповедника, который обличает падение нравов и предвещает неизбежный крах, если не начнется исправление общества.

Интенсивное противодействие политике Обамы вызвало ответное усиление радикального блока в его администрации. Противостояние серьезно обострилось после того, как большинство в обеих палатах Конгресса захватили республиканцы, среди которых появились и представители «Партии чаепития», занявшиеся блокированием инициатив президента. Его администрация интерпретировала это движение как выразителя интересов группы, которой в силу демографических процессов не долго осталось быть большинством и которое предпринимает попытки воспрепятствовать появлению новой мультикультурной Америки, стоящей на принципах равенства всех групп и взаимного уважения (то, что критика называла «политкорректностью») [White, 2011]. В этой картине

приговор такой оппозиции уже вынесен самой историей, и ей следует смириться с неизбежностью, а не заниматься мелочным вредительством, как в случае с распространением слухов о том, что Обама родился за пределами территории США и по закону не имел права баллотироваться в президенты, – акция, активное участие в которой принимал Трамп.

Поражение на выборах 2012 г. республиканца Митта Ромни, несмотря на ослабленные позиции действующего президента, было воспринято как прямое подтверждение того, что демократы стоят на «правильной стороне истории». И под влиянием этой победы Обама на втором сроке уже в большей степени опирается на радикалов и, в частности, начинает открыто участвовать в «политике идентичностей», позиционируя себя уже не только как центрист, цвет кожи которого лишь свидетельствует о том, что расовые предубеждения остались в прошлом, но и как представитель «черной» Америки, который помнит о своем происхождении [Clegg, 2021].

В этот же период в лексиконе радикальных демократов все чаще встречается термин *equity*, который противопоставляется *equality*, примерно как «справедливость» «равенству» [Young, 1994]. Акцент делается на том, что отсутствие явной дискриминации против уязвимых групп, как, в частности, афроамериканцы, не означает ее исчезновения, так как угнетение на протяжении многих поколений ставит их в заведомо проигрышное положение. Иначе говоря, несправедливо требовать соперничества на равных между, с одной стороны, выходцами из классов, имевших возможность на протяжении двух с половиной веков аккумулировать капитал, и с другой – от группы, которая на протяжении большей части этого периода существовала в условиях рабства, затем подвергались сегрегации и лишь в 1960-е годы приобрела полноценный гражданский статус. Другой популярный термин из этого оборота – «системный расизм». Опять же указывается на то, что, несмотря на отсутствие признаков явного расизма, общество остается расистским, так как все его несущие структуры устроены таким образом, чтобы обеспечивать преимущества господствующего большинства: полиция более пристально следит за неблагополучными районами, в которых сконцентрированы афроамериканцы, суды чаще отправляют под арест подозреваемых по статьям, по которым чаще преследуются они же, и т.д. [Feagin, 2006] Понятно,

что слом «системного расизма» и утверждение «справедливости» возможны только при активном вмешательстве государства и при условии существенного увеличения государственных расходов, с чем напрямую связана социалистическая сторона мультикультурной утопии.

Кандидатом радикального крыла Демократической партии на выборах 2016 г. был открыто выступающий за социалистические преобразования сенатор Берни Сандерс. Но, несмотря на активную поддержку рядовых партийцев, он проиграл внутрипартийные выборы поддержанной аппаратом партии и ее основными спонсорами центристке Хиллари Клинтон. Республиканская партия, напротив, не смогла подавить собственных радикалов, развернувших свою борьбу против старшего поколения республиканцев не в партийном аппарате, а в публичном пространстве. Благодаря поддержке этой части правых стало возможным выдвижение кандидатуры Дональда Трампа. По республиканским меркам он представлял даже не радикалов, а маргиналов, крайних, – *fringe*, и в его победу мало кто верил. Бросавшаяся в глаза черта программы Трампа – ее эмоциональность. В основном он и его ближайшие соратники, в том числе руководитель его кампании на последнем этапе предвыборной гонки Стив Бэннон, апеллировали к нарастающему недовольству американцев политическим истеблишментом, на который возлагалась вина за неспособность запустить естественный и заслуженный в восприятии сторонников республиканской партии экономический подъем.

С предельной отчетливостью в этой кампании также проявилось издавна свойственное республиканцам недоверие к интеллектуалам. Американский интеллектуальный класс традиционно отличался заметным левым уклоном – показательна в этом смысле характеристика, данная Ричардом Никсоном Гарвардскому университету: «кремль на Чарльзе»¹, – подразумевавшая здания кампуса из красного кирпича, возвышающиеся над рекой. Связь между университетами и политикой левого толка, как указывали еще Т. Парсонс и Дж. Платт, закономерна: спрос на рационализаторские предложения, которые могут предложить ученые, формируют

---

¹ Currie D. “Kremlin on the Charles” No More? // *The Washington Examiner*. – 2023. – November 19. – Mode of access: <https://www.washingtonexaminer.com/weekly-standard/kremlin-on-the-charles-no-more> (accessed: 17.20.2024).

реформаторы, причем те, которые нацелены на расширение перераспределения и регулирования [Parsons, Platt, 1973]. Для консерваторов, даже если они выступают за реформы, теоретики представляют меньший интерес: реформирование в целях возвращения к уже известным образцам того или иного золотого века не дает такого интеллектуального размаха, который открывают планы преобразований, наподобие марксистских.

После избрания Трампа конфликт между политическими силами вышел на новый уровень, и интеллектуальный класс – творческие профессии, медиа, образование – оказался консолидированным на антитрампилистской стороне. Эта консолидация явно повлияла на кристаллизацию идеологии левого крыла, аналогично тому, как подобные процессы описал Мангейм: «...Слой интеллектуалов, организованный в виде касты и монополизирующий право проповедовать, учить и создавать свою интерпретацию мира, обусловлен двумя социальными факторами. Чем в большей степени он становится выразителем некоего строго организованного коллектива (например, церкви), тем сильнее он склоняется в своем мышлении к “схоластике”. Задача этого слоя – придать догматически связывающую силу тем способам мышления, которые прежде были значимы только для определенной секты, и тем самым санкционировать онтологию и гносеологию, имплицитно содержащиеся в этих формах мышления» [Мангейм, 1994 b, с. 15].

Иррациональность, противопоставляемая Трампу и поддерживающим его христианам-фундаменталистам, рабочим американского «хартленда», а также узкой группе интеллектуалов-традиционалистов, начала стремительно догматизироваться именно по этой схеме. Наиболее характерными были призывы «верить науке» в период противовирусной кампании, которая также использовалась в целях политической борьбы. Это не прошло незамеченным консервативными комментаторами, которые точно подмечали, что «наука» по определению исключает «веру», так как предполагает открытое выдвигание доказательств и свободу их оспаривать. Заявления же в духе «наука на нашей стороне» – очевидная попытка подать спорные заявления как неоспоримые¹.

---

¹ Matthews M. Liberals: Which ‘science’ are we supposed to believe? // The Hill. – 2020. – June 06. – Mode of access: <https://thehill.com/opinion/healthcare/501464-liberals-which-science-are-we-supposed-to-believe/> (accessed: 01.03.2024).

И в целом «рациональная» оппозиция Трампу является такой главным образом по своему позиционированию, в то время как ее содержание демонстрирует явно утопические черты. Эта утопия опирается на такие постулаты, как, в частности, пластичность личности – «человек – чистый лист», что подразумевает практически полную зависимость индивидуального характера от общества, под влиянием которого он формируется, – картина, которая явно не стыкуется с представлениями соотношения врожденного и приобретенного в человеке, сформированными в современных психологии и генетике [Пинкер, 2021].

После победы на выборах 2020 г. умеренного демократа Джо Байдена политический спектр в США оказался фрагментирован ровно по тем линиям, которые были намечены Мангеймом. Старый политический истеблишмент, который бы предпочел сохранить существующее политическое устройство, разделен на либералов и консерваторов – демократы более либеральны в том смысле, что готовы к обсуждению реформ конституционного устройства, республиканцы консервативны в том, что считают, что существующая система должна оставаться неприкосновенной как лучшая из возможных моделей. При этом и та и другая партия внутренне расколота. Разница между ними в том, что демократы демонстрируют больше готовности интегрировать радикалов в свои структуры, в то время как республиканский истеблишмент находится со своими радикалами в более остром противостоянии, свидетельством чему служат нехарактерные для американского парламентаризма сложности с избранием спикера Палаты представителей, возникшие в 2023 г. и вызванные именно внутрипартийным конфликтом.

Радикалы в обеих партиях достаточно точно соответствуют мангеймовскому описанию консервативного и социалистического утопизма. В первой роли выступает радикальное крыло республиканцев, ассоциирующееся с Трампом. Оно может быть охарактеризовано как националистическое – сам Трамп в своих выступлениях говорил о себе как о националисте¹, – или же как популистское – трампистов таким образом часто характеризуют их

---

¹ Forgy Q. Trump: 'I'm a nationalist'// Politico. – 2018. – October 22. – Mode of access: <https://www.politico.com/story/2018/10/22/trump-nationalist-926745> (accessed: 17.11.2023).

критики, но этим же наименованием пользовался, в частности, Бэннон, придавая этому термину положительный смысл: те, кто прислушиваются к голосу народа, – *populi* на латинском. Этот американский популизм имеет давнюю историю: «С колониальных времен негодование в адрес тех, кто обладал утонченностью, связями и высоким доходом, слилось с подозрительностью по поводу мотивов и методов бюрократии и послужило основой череды популистских восстаний против истеблишмента. Эту американскую разновидность популизма часто называют “джексонианством” в честь Эндрю Джексона, президента, который открыл путь энергии популистского движения в 1830-е» [Mead, 2011, p. 31]. В 2010-е годы выражением этого движения была упоминавшаяся уже Партия чаепития, и уже в этот период в нем появился выраженный утопический элемент – образ рейгановского золотого века. Этот элемент был воспринят Трампом и его последователями – именно на возвращение в рейгановскую эпоху указывает главный трамповский лозунг «Сделаем Америку снова великой». При этом характерной чертой этой группы является настороженное отношение к интеллектуальному классу, подверженному, как считают «популисты», марксистскому утопизму, под который подгоняются якобы рациональные обоснования необходимых реформ. В своих программах они предпочитают апеллировать характерным для консерваторов образом к силе традиции и ценностей, представляющихся им самоочевидными: честный труд против бюрократии, меритократия против «позитивной дискриминации», семья против «полиморфной сексуальности» и т.д. Аргументация такого рода приобретает дополнительную убедительность в силу попыток их противников продвигать программы, которые позиционируются как научно обоснованные, но при этом явно не выдерживающие проверок на состоятельность – признание «объективной» полигендерности, климатическая повестка и, не в последнюю очередь, меры по борьбе с пандемией COVID-19, оказавшиеся во многом ошибочными, но продвигавшимися, опять же, как строго научные [Berenson, 2021; McSwane, 2022].

Американские левые радикалы чаще всего обозначаются как социалисты, причем их критики справа подчеркивают марксистский характер продвигаемой ими утопии. Цель этого проекта – свободное общество максимального разнообразия, преимуществом которого является высвобожденный таким образом творческий

потенциал – примерно в этом заключается «сила в разнообразии». Способ же реализовать этот проект – расширение перераспределения благ на основе равенства, в этом смысле «равенство результатов» должно заменить «равенство возможностей». Утопичность этого проекта проявляется в противоречии между целью и способом достижения: рост перераспределения предполагает значительное усиление государства, а значит, и его репрессивного характера, и каким образом можно будет перейти от этой модели к свободному обществу, остается непонятным. Тем не менее к этой позиции тяготеет подавляющее большинство американского интеллектуального класса.

Заключение

Как упоминалось выше, главным материалом для мангеймовской модели служила веймарская Германия, в итоге обрушившаяся в правую диктатуру. Мангейм не предсказывал такого развития событий, и смысл его работы был не в том, чтобы дать прогноз динамики конкретной политической ситуации, а в том, чтобы создать схему баланса интересов разных групп и тем самым улучшить понимание источников угроз либеральному политическому устройству. Но, учитывая, марксистские истоки мангеймовской теории, возникает вопрос, может ли такое понимание дифференциации идеологий помочь в том, чтобы воспрепятствовать логичному, по Марксу, развитию – в революционную диктатуру или реакцию. К тому же, как говорилось выше, в качестве пятой идеологической позиции Мангейм выделяет фашизм, представляющий собой, по сути, идейное обоснование оппортунизма, не признающего никаких ценностных ограничений. Появление в политическом поле современных США движения, открыто позиционирующего себя как фашистское, конечно, сложно представить – фашизм воспринимается как обозначение безусловного политического зла, – но, приходится отметить, что обвинения в фашизме стали типичной чертой полемического обмена между американскими правыми и левыми. Тем не менее США пока удается сохранять основы либерального устройства, предоставляющего возможность выражения всех основных позиций по Мангейму, хотя это и сопровождается обострениями и призывами к радикальным

реформам и справа, и слева. Однако, то, что делает марксистский сценарий еще более правдоподобным, экономическая ситуация в США ухудшается: внешний долг растет, приближаясь к катастрофическим показателям даже с точки зрения его обслуживания, заявления о новых технологических революциях – «нанотехнологиях», «зеленом переходе» или «четвертом промышленном укладе» – каждый раз оборачиваются надуванием финансового пузыря, попытки экономической экспансии встречают все более ожесточенное сопротивление других центров силы. Несмотря на то что значительная часть политического истеблишмента США, по-видимому, действительно привержена идее баланса интересов и правления через рациональную дискуссию, сохранить ее в случае резкого ухудшения ситуации – наиболее реальной угрозой выступает раскручивание инфляционной спирали – и обострения противоречий между группами, выражению интересов которых служат мангеймовские позиции, вероятно, будет непросто.

S.A. Gasparyan*
**K. Mannheim's model for differentiation of ideologies
in reconstructing the field of U.S. politics**

Abstract. The article examines the dynamics of political ideologies in the United States from 2000 to the present from the perspective of K. Mannheim's theory. Mannheim's model emphasizes the dialectical nature of the relationship between ideologies, implying that all major ideological pictures of reality are constructed as interdependent oppositions: government versus politics, politics of rationality versus politics of volition, choice versus predetermination, stasis versus change. An important aspect of Mannheim's approach that distinguishes it from the Marxist understanding of ideology is that it allows for the possibility of stabilization of the ideological spectrum under a liberal political regime without its collapse into a dictatorship – an inevitable development from a Marxist perspective. Two arguments can be brought forward in favor of the application of Mannheim's model to the ideological palette of contemporary American politics. Firstly, it can give a new understanding of the political conflict in the United States from the point of view of the interconnectedness of the ideological positions, and in particular demonstrate the connections between the strengthening of the American nationalist movement with the growth of the socialist one? Secondly, this attempt allows us to evaluate the dialectical model put forward by Mannheim from the

---

* **Gasparyan Semen**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: s.gasparyan@my.mgimo.ru

point of view of its applicability in isolation from the historical circumstances in which it developed. And based on the results of the study, it can be noted that Mannheim's model predicts the main lines of tension – those that arise between modern American liberals and conservatives (constitutional reform versus the immutability of the constitution), moderate Republicans and radical Trumpists (conservation vs. active reform), moderate Democrats and the socialist wing of the Democratic Party (conservation of a spectrum of different views vs. unidirectional transformation). Mannheim's model also allows us to identify quite precisely the groups that serve as the main driving force of these currents: old elites for moderate conservatives, the new bourgeoisie for liberals, intellectuals for socialists, and marginalized groups for right-wing radical currents.

Keywords: ideology; K. Mannheim; Democratic Party of the U.S.; Republican Party of the U.S.; radicalization; liberalism; conservatism.

For citation: Gasparyan S.A. K. Mannheim's model for differentiation of ideologies in reconstructing the field of U.S. politics. *Political science (RU)*. 2024, N 4, P. 286–308. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.12>

References

- Bell D. *The end of ideology*. New York: Free Press, 1960, 416 p.
- Bell D. *The end of ideology. With a new afterword by the author*. Cambridge: Harvard University Press, 1988, 501 p.
- Bell D. *The end of ideology. With a new essay by the author: the resumption of history in the new century*. Cambridge: Harvard University Press, 2000, 540 p.
- Berenson A. *Pandemia: how coronavirus hysteria took over our government, rights, and lives*. Washington D.C.: Regnery, 2021, 464 p.
- Breiner P. Karl Mannheim and political ideology. In: *The Oxford handbook of political ideologies*. Oxford: Oxford University Press, 2013, P. 38–55.
- Breiner P. Karl Mannheim and the realism debate in political theory. In: Kettler D., Meja V. (eds.) *The anthem companion to Karl Mannheim*. London: Anthem Press, 2018, P. 51–72.
- Clegg C. *The black president*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2021, 672 p.
- Codevilla A. The cold civil war. *Claremont review of books*. 2017, N 2, P. 24–27.
- Crotty W. (ed.). *A defining moment: the presidential election of 2004*. New York: Routledge, 2005, 280 p.
- Darmofal D., Strickler R. *Demography, politics, and partisan polarization in the United States, 1828–2016*. Cham: Springer, 2019, 162 p.
- Feagin J. *Systemic racism. A theory of oppression*. New York: Routledge, 2006, 386 p.
- Freeden M. *Ideologies and political theory*. Oxford: Oxford University Press, 1996, 592 p.
- Freeden M. *Ideology studies: new advances and interpretations*. New York: Routledge, 2022, 208 p.
- Gerstle G. *The rise and fall of the neoliberal order*. Oxford: Oxford University Press, 2022, 432 p.
- Groseclose T. *Left turn: how liberal media bias distorts the American mind*. New York: Saint Martin's Griffin, 2011, 304 p.

- Horowitz D. *Final battle: the next election could be the last*. West Palm Beach: Humanix Books, 2022, 256 p.
- Johnston C., Lavine H., Federico C. *Open versus closed: personality, identity, and the politics of redistribution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017, 294 p.
- Klein E. *Why we're polarized*. New York: Avid Reader Press, 2020, 352 p.
- Lee F. *Insecure majorities*. Chicago: University of Chicago Press, 2016, 248 p.
- Levin M. *American marxism*. New York: Threshold Editions, 2021, 262 p.
- Mannheim K. Diagnosis of our time. In: Mannheim K. *Diagnosis of our time* Moscow: Jurist, 1994 a, P. 412–571. (In Russ.)
- Mannheim K. Ideology and utopia. In: Mannheim K. *Diagnosis of our time*. Moscow: Jurist, 1994 b, P. 7–276. (In Russ.)
- Marx K., Engles F. The German ideology. In: Marx K., Engles F. *Works*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955, Vol. 3, P. 7–544. (In Russ.)
- McCarty N., Poole K., Rosenthal H. *Polarized America: the dance of ideology and unequal riches*. Cambridge: MIT Press, 2016, 280 p.
- McSwane D. *Pandemic Inc*. New York: One Signal Publishers, 2022, 336 p.
- Mead W.R. The tea party and American foreign policy: what populism means for globalism. *Foreign Affairs*. 2011, N 2, P. 28–44
- Merrill S., Grofman B., Brunell T. *How polarization begets polarization*. New York: Oxford University Press, 2024, 200 p.
- Parsons T., Platt G. *The American university*. Cambridge: Harvard University Press, 1973, 463 p.
- Pinker S. *The Blank slate*. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2021, 608 p. (In Russ.)
- Schier S. *Panorama of a presidency: how George W. Bush acquired and spent his political capital*. New York: Routledge, 2015, 208 p.
- Talshir G. The phoenix of ideology. In: Talshir G., Humphrey M., Freedman M. (eds.) *Taking ideology seriously*. New York: Routledge, 2006, P. 14–35.
- West D. *Divided nation, divided politics*. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2019, 234 p.
- White J. Caught between hope and history: Obama, public opinion and the 2010 election. In: Schier S. (ed.). *Transforming America: Barack Obama in the White House*. Lanham: Rowan and Littlefield Publishers Inc., 2011, P. 77–102.
- Young H. *Equity: in theory and practice*. Princeton: Princeton University Press, 1994, 238 p.

Литература на русском языке

- Манхейм К. Диагноз нашего времени // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994 а. – С. 412–571.
- Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994 б. – С. 7–276.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – С. 7–544.
- Пинкер С. Чистый лист. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 608 с.